

Что социолог может толком сказать о насилии?

КОНТРТЕЗИСЫ

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН

«Смешались в кучу...»
(Из классики)

ОРГАНИЗАТОРЫ одной из недавних конференций попросили участников высказаться на заявленную тему – о насилии во множестве его проявлений. Ниже следуют своего рода контртезисы, повторяющие предложенную повестку практически пункт за пунктом. Повестка весьма широка и, главное, очень показательна и типична для гуманитарных рассуждений наших дней. Повестка хороша тем, что в ней нет ничего провинциального. Она вполне могла бы обсуждаться в Париже или калифорнийском Беркли, либо в Петербурге и Нижнем Новгороде, хотя, сдается, едва ли в Токио и Пекине, о чем тоже интересно задуматься.

Насилие как таковое не может служить объектом даже абстрактного теоретизирования. Дебаты о сверхкатегориях, тем более взятых из политико-публицистического оборота, обычно заводят нас в бесконечную полемику и морализаторство. Аргументация в этом всем нам знакомом случае развивается вне привязки к контексту. А ведь там, в социальном контексте, и находится эмпирика, поддающаяся конкретному анализу, сравнению, и возможному обобщению.

Насилие не предмет, а отношение между людьми в совершенно разные эпохи и в разных ситуациях. Едва ли мы узнаем что-то вразумительное, сравнивая положение раба на плантации с положением современного гражданина, избитого на улице хулиганами или жертвы хакерской атаки в Интернете.

Насилие (агрессия) есть одна из стратегий поведения, судя по доступным на сегодня знаниям, заложенная в генетике нашего вида — равно как заложена в ней любовь, дружба и другие

проявления альтруизма. Агрессия (как и альтруизм) есть способности добиться чего-то и почти чего угодно от других людей. Агрессия может выражаться в шлепанье ребенка ремнем, в повышении голоса на женщину («бабу») в семье или на подчиненного по службе, в базарной ссоре, а может и в сбрасывании напалма на города противника или во взрывах в метро. И все это — насилие. Кстати, многие виды спорта, вроде футбола и тем более бокса, есть ритуализованная форма насилия. Что мы надеемся получить, обобщая все это разом?

Тема очевидно модная среди интеллектуалов, обычно склонных лишь к самому символическому насилию, и просто среди современных образованных горожан, которые бывают скорее жертвами насилия. Насилие порождает в этих кругах чувства сильного отвращения и неприятия, вплоть до протеста.

Главное отличие, выявляемое среди основного электората республиканской и демократической партий США, как раз в отношении к насилию. Левые либералы американского типа не приемлют насилие, будь то война или массовая практика тюремного заключения нарушителей установленных социальных норм. Тем временем правый электорат мобилизуется вокруг элементарных призывов всыпать по первое число врагам американских ценностей за рубежом, внутренним воришкам и социальным иждивенцам, а также незаконным мигрантам. Правые ксенофобы обычно политически эффективнее на уровне агрессивных эмоций; однако их лево-либеральные оппоненты относятся к прогрессивной линии, восходившей с несколькими срывами со времен Просвещения. Эта линия достигла пика в 1968 году, но затем происходит не менее глубокий срыв. Какова будет дальнейшая динамика? Тема для изучения очевидно важная и далеко не только американская.

Здесь наглядно действует дюркгеймовский механизм генерирования социальной солидарности внутри своей группы, который проще всего достигается через конфликтное противопоставление хороших «наших» всем прочим «ненашим» и заведомо нехорошим группам. Поскольку был назван классик, давайте хотя бы пунктирно обозначим линию более плодотворных гипотез о насилии.

Дюркгейм в массе им написанного (и в массе заслуженно забытого) оставил нам, тем не менее, очень полезную общую теорию того, что вообще делает возможным человеческие сообщества. Дюркгейм убедительно связал человеческую склонность к насилию (конфликту) с не менее человеческой склонностью к совместному действию вплоть до альтруистически неравноценного обмена, т. е. самопожертвования как высшей социальной солидарности. В следующем поколении Норберт Элиас, по-

пытавшийся придать веберианскую историческую социологию фрейдистскому психологизму, встроил эволюцию форм насилия в исторический процесс «оцивилизования». Но и это была пока лишь полуметафора.

В наши дни Рэндалл Коллинз довел теорию Дюркгейма до применения в конкретной практике исследования через микросоциологию цепочек «ритуальных взаимодействий» Эрвина Гоффмана. В результате получилась спокойная, неочевидная и потому интересная социология микрооснов насилия в таких ситуациях, как драки в пивных, «безумные» массовые убийства в американских школах и кинотеатрах или отдавание предпочтений на американских выборах, о чем можно почитать в блоге Коллинза «Социологический глаз»¹.

Остается еще война, налоги и чудовищные, столь типичные именно для XX века, злодеяния, как массовые репрессии и геноцид. Здесь прежде всего следует вспомнить о Чарльзе Тилли, теоретике исторической эволюции государства, который показал на материалах протяженности европейского Нового Времени, что насилие и принуждение так часто встречаются в репертуаре государственной практики, потому что большей частью они приносят результат. Налоги в результате собираются, призывники отправляются на войну, революционеры содержатся в тюрьмах.

Другой макротеоретик, Майкл Манн (недавно наконец завершивший четырехтомную эпопею «Истоки социальной власти»), выделил свои развернутые «примечания» о войне, геноциде и терроре в три отдельные книги со знаковыми названиями: «Фашисты» (2004); «Бессвязная империя США» (2003) и «Темная сторона демократизации: к объяснению этнических чисток» (2005)².

Итак, площадка расчищена и позиции обозначены. Принципиальное замечание сводится к тому, что сравнивать надо не типы насилия, а типы ситуаций, в которых так или иначе применяется насилие. Далее можно кратко отвечать по пунктам предложенной повестки обсуждения.

Культ насилия. Науке неизвестен и не обнаруживается даже в самых жестоких воинских сообществах, вроде ацтеков или ранних казаков, ни в самых крайних культурах индуистской богини Кали. Даже в гитлеровском Рейхе культивировалось обожание фюрера, армии, войны ради выживания собственной расы, но не насилие как таковое.

1. См. URL: <http://sociological-eye.blogspot.com/>.

2. См. URL: <http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/mann/>.

Насилие в сфере трудовых отношений. Напротив, прекрасно известно и широко практикуется со времен всех первых цивилизаций и наверняка с возникновения рабства. Разгон забастовок полицией или бандитами — это безусловно насилие. Но забастовки и пикетирование — тоже форма насилия. Очевидно, здесь насилие есть либо форма контроля над рабсилой, либо способ разрешения трудовых конфликтов. Опять же исследовать надо конкретные трудовые отношения, а не возникающее из них насилие.

Законодательное ограничение насилия — основной признак государства по Максиму Веберу как монополии на легитимное (законное) принуждение (применение силы) на данной территории. Определение аналитически элегантно, ибо практикуется абсолютно всеми государствами: древними и современными, монархическими, демократическими, гибридными и тем более самыми тоталитарными. Если государственные органы не в силах контролировать насилие со стороны своих подданных, тем более сумевших вооружиться (в качестве мафии, сепаратистов или партизан), то такое государство, по определению, находится под угрозой слома.

Политическое насилие так широко практикуемо, потому что политика есть выбор противников и способов борьбы с ними (без обиняков, по определению рафинированного теоретика фашизма Карла Шмитта). Наиболее разрушительны насилие по поводу захвата власти внутри государств (революции и контрреволюции) и меж государств (война). Демократическая политика есть насилие в снятой и ритуализованной форме, как спорт есть война в снятой форме, т. е. возникают правила, по которым проигравшего не добивают, а дают шанс на реванш в следующем раунде, зато и проигравшие быстро признают поражение и не оказывают разрушительного сопротивления. Победа на выборах — это контролируемая революция без битвы окон во дворцах. Демократия аналогична договоренностям сверхдержав об ограничении ядерных вооружений: сдерживаем собственное насилие, понимая его самоубийственность.

Насилие в детско-юношеских коллективах не имеет ничего общего с политикой. Это один из распространенных (но не единственных) и почти биологических видов соперничества за статус в малой группе с неоформленной пока иерархией. Вчера малышей контролировали родители, а завтра они станут взрослыми и узнают, что кто-то из них банкир, мент или профессор, а кто-то водила маршрутки или люмпен. Юношеское насилие — культурная универсалия, встречается и в племени масаев, и в советской казарме, и в дормитории элитного Оксфорда. Пик везде приходится на 16–19 лет, а к 29 годам сходит на ноль,

если только парень не успел превратиться в профессионала насилия (бандита, воина, боксера).

Насилие в межэтнических отношениях. Здесь смешаны минимум три существенно разные конфликта: бытовая ссора по поводу личного статуса (сравнимо с подростковым соперничеством); экономическая конкуренция на рынке или рынке труда; политика, особенно при наступлении демократии и выборов, когда остро встает вопрос, кто граждане, а кто пришлые.

Насилие в киберпространстве есть соединение двух популярнейших жанров: научной фантастики и боевика. Насилие, конечно, всегда развлечение, особенно для тех, кто в нем не может серьезно пострадать (сравните с историями про Ваньку Каина или Аль Капоне).

Сексуальное насилие остается в центре идеологических дебатов вокруг моральных, религиозных и гендерных вопросов: главное тут «сексуальное» или «насилие»? Спор крайне горячий из-за сильнейшей моральной подоплеки. Потому же и довольно бесплодный. Проблема реальная, поскольку принуждение к сексу, от психологического и экономического давления до грубейшего изнасилования, встречается во всей истории человечества. (Что стоит за фразами исторических источников «подвергли разграблению и поруганию» или реалиями рабства?) Требуется, прежде всего, на массиве сравнительных данных из разных обществ и эпох установить, остается ли принуждение к сексу на одном уровне (к счастью, это сомнительно) или есть факторы сдерживания, и каковы они: ответное насилие (кровная месть семьи или государственная тюрьма), воспитание или, как предполагают радикальные феминистки, доступность альтернатив к сексуальному удовлетворению и умиротворению?

Насилие и наказания в семье несомненно варьируется в зависимости от эпохи, социального класса и от культуры к культуре. Видимо, в Китае одно, а в Саудовской Аравии другое. Тут уже можно строить теорию, например, как сила главы семейства варьируется вместе с его способностью устанавливать наказания.

Экстремизм — это просто разновидность политики на крайнем фланге, где обычные методы не приносят результатов. Экстремизм в идеологии или в деле (как в терроризме) тоже едва ли эффективен, но, несомненно, эффектен. Тут и надо, как мне кажется, искать пути к построению вразумительной теории.

Эмоционально-психологические формы насилия применяются, когда физическое насилие нежелательно или чревато ответом. Тут скорее применим кнут, нежели меч. Но разброс примеров слишком велик, чтобы создать теорию. Успешная мафия живет долго, если живет по принципу дозированной оптимизации

насилия, а не максимизации³. Психологическое подавление есть важнейшее условие (не) применения насилия как между людьми, так и между государствами.

Конструирование насилия. Боюсь, я вряд ли что-то могу сказать об этом, как и о *насилии символическом*, поскольку не очень пока представляю себе, что бы это означало на деле. Конечно, все социальное было сконструировано и, точнее, выстроено когда-то, как-то, кем-то и в каких-то целях — что не означает, будто цели были верно определены или достигнуты. Конструктивизм есть лишь еще одна программа историко-эволюционной реконструкции, что будет основным способом добывания научного знания об обществе, откуда будет такая наука. Я лишь сомневаюсь в полезности отделения ментальных, культурных и прочих гуманитарных процессов от их материальных условий, носителей и ресурсов.

Что отсутствует в тезисах к обсуждению. Бенедикт Андерсон в своих семинарах учил всегда выявлять не-сказанное в обсуждаемом тексте. Лакуны могут оказаться красноречивее самого текста. Среди множества реальных и менее реальных форм насилия, тезисы мало что говорят о войне и, напротив, о *ненасилии*. Тезисы конференции о насилии, сформулированные в 2012 году в России, очень похожи на тезисы, которые могли появиться в любой западной стране. Однако Россия (как и США) войны ведет; Лев Толстой остается русским писателем; и возможность революции в России остается на порядок выше, чем в любом западном государстве. Но со времен перестроечного дискурсивного переворота рассуждения о революции сфокусировались на осуждении революционного насилия. Куда реже можно найти суждения, тем более аргументированные сравнительно-историческим анализом, о том, как возникает политическое насилие справа и слева, как революции соотносятся с войнами и «человеком с ружьем», равно как и контрреволюции и реставрации соотносятся с людьми в погонах. И вовсе редко обсуждается, каким образом могло бы стать возможным ненасильственное изменение политических структур, запутавшихся в своих собственных конфигурациях и грозящих в какой-то момент рухнуть. Это не обязательно о России; это и о многих странах Запада.

3. См. работы Диего Гамбетта и Вадима Волкова.